

The Outpost of Christianity: the functions of an external threat in the Holy Roman Empire during the reign of Leopold I (1658–1705)

S. S. Shelyshey¹

¹Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-232-239

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the formation of the image of the Holy Roman Empire in the imperial journalism of the late 17th – early 18th centuries. The successes in the struggle against Turkey restored the position of the Empire on the European proscenium and allowed Emperor Leopold I to compete with Louis XIV for the role of European hegemon. The claims of Leopold I were reflected in imperial journalism. Influenced by the Austro-Turkish wars and the wars of Louis XIV, German publicists rethought the idea of a "universal monarchy", on which the Empire's claims to European leadership were traditionally based, and resurrected the classic image of the Empire as a defender of the Christian world. This image was based on the opposition of the Empire to two enemies: the Ottoman Empire, the traditional enemy of Christians, and the France of Louis XIV, which German publicists presented as a traitor to Christian values and a violator of the European order.

Keywords: Germany; empire; Leopold I; Louis XIV; journalism; image

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Shelyshey, Sofya S. | E-mail: sofya.shelyshey@gmail.com
| Postgraduate

Форпост христианского мира: функции внешней угрозы в Священной Римской империи в период правления Леопольда I (1658–1705)

С. С. Шельшей¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-232-239
УДК 94(430).044

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена формированию образа Священной Римской империи германской нации в имперской публицистике конца XVII – начала XVIII вв. Успехи в борьбе против Турции восстановили позиции Империи на европейской авансцене и позволили императору Леопольду I соперничать с Людовиком XIV за роль европейского гегемона. Притязания Леопольда I нашли отражение в имперской публицистике. Под влиянием австро-турецких войн и войн Людовика XIV немецкие публицисты переосмыслили идею «универсальной монархии», на которой традиционно основывались претензии Империи на европейское лидерство, и воскресили классический образ Империи как защитника христианского мира. В основе этого образа лежало противостояние Империи двум врагам: Османской империи, традиционному врагу христиан, и Франции Людовика XIV, которую немецкие публицисты представили предателем христианских ценностей и нарушителем европейского порядка.

Ключевые слова: Германия; империя; Леопольд I; Людовик XIV; публицистика; образ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шельшей, Софья Сергеевна | E-mail: sofya.shelyshey@gmail.com
Аспирант

С момента своего образования Священная Римская империя германской нации претендовала на универсальное начало, основываясь на идее «универсальной монархии». Окончательно оформившееся в Средние века это понятие подразумевало объединение европейских стран в единое государство, некое подобие царства Божия на земле [1, S. 19–34]. Основной функцией универсальной монархии была защита религии и благоденствия христианского мира. Опираясь на преемственность Римской империи и Франкской империи Карла Великого, Священная Римская Империя пыталась стать таким универсальным государственным образованием, объединяющим весь европейский христианский мир. Император Священной Римской империи

© Шельшей С. С., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

позиционировал себя как главу над европейскими государствами и как защитника и покровителя христианской церкви. Тем самым Империя занимала как бы центральное положение среди западноевропейских государств, по сути отождествляя собой всю цивилизованную Европу.

Эти представления о роли и функциях Империи постоянно трансформировались под влиянием определенного социального контекста, внешних и внутренних факторов. В позднее Средневековье и раннее Новое время универсалистские стремления Империи были подорваны укреплением королевской власти и ростом абсолютистских тенденций в западноевропейских государствах [2–4]. Империя была уникальным государственным образованием, она представляла собой надгосударственный союз различных территориально-государственных образований, объединенных властью императора [5–6]. Соотношение сил между центральной императорской властью и ограничивающими ее имперскими сословиями принципиально изменилось по итогам Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.). Вестфальский договор 1648 г. закрепил внешнюю и внутреннюю самостоятельность субъектов Империи, существенно ослабив власть императора. Тяжелые итоги долгой войны и ограничение императорской власти внутри Империи серьезно пошатнули позиции Империи на европейской арене [7, S. 180–187; 8]. Император больше не мог представляться абсолютным гегемоном на европейском континенте, а Священная Римская империя — властью «надевропейского» характера.

Перед императором Леопольдом I стояли задачи преодоления последствий Тридцатилетней войны и восстановления позиций императорской власти, в частности власти Габсбургской династии в землях Священной Римской империи германской нации [9]. Пребывавший в тени Людовика XIV, чье имя стало олицетворением всей эпохи второй половины XVII – начала XVIII вв., Леопольд I долгое время считался слабым правителем, но в последние десятилетия этот образ подвергся кардинальному пересмотру. Современная историография считает его одним из самых выдающихся императоров, при котором возродилась имперская идея и благодаря которому Империя восстановилась после Вестфальского мира и существовала еще целое столетие [10, с. 206]. Будучи достаточно сильным правителем, Леопольд I мог соперничать с Францией Людовика XIV, превратившейся по итогам Тридцатилетней войны в нового лидера европейской системы международных отношений. Борьба с Францией и ее гегемонистскими стремлениями, выражавшимися в многочисленных завоевательных войнах, неизменно затрагивавших интересы Габсбургов, стала одним из основных направлений внешней и внутренней политики в период его правления.

Притязания Леопольда I на роль европейского гегемона отчетливо прослеживаются в немецкой публицистике конца XVII – начала XVIII в. Публицистические произведения касались злободневных сюжетов и охватывали широкий спектр общественных проблем. Представленная такими жанрами,

как памфлет, иллюстрированная листовка, ранняя периодика, календарь, немецкая публицистика была посвящена описанию актуальных политических событий или критике политических институтов, деятельности определенных лиц или в целом общественного строя. Для публицистики раннего Нового времени были характерны такие функции, как формирование общественного мнения, идеологическое воздействие и связь между обществом и властью. Особенно наглядно это демонстрирует имперская публицистика с характерными сюжетами прославления Империи и императора. Авторы подобных текстов зачастую происходили из среды, непосредственно зависящей от Империи и заинтересованной в ее процветании [11, S. 8]. Среди них были юристы, профессора, дипломаты, они занимались политической или экономической деятельностью, служили при дворе императора или немецких князей и могли писать как самостоятельно, так и по заказу власти. Имперская публицистика целенаправленно отражала провластные, проимперские идеи и стремилась создать образ могущественной императорской власти.

Идея универсальной монархии, традиционно служившая обоснованием претензий Империи на первенство в Европе, в эпоху Леопольда I кардинально изменила свое значение. Она начала восприниматься крайне негативно, как покушение на свободу имперских сословий и власть абсолютных монархов и как нарушение порядка, установленного Вестфальским миром. Этот пропагандистский аргумент имел исключительное значение для интерпретации и дискредитации французской агрессивной политики [1, S. 111–112; 12, S. 120], особенно в Войну за испанское наследство 1701–1714 гг., когда существовала реальная опасность объединения испанских и французских земель. Леопольд I должен был переосмыслить роль Империи на континенте, не претендуя при этом на универсальный характер своей власти.

Для решения этой задачи использовались внешнеполитические угрозы эпохи Леопольда I: войны с Османской империей и европейские войны Людовика XIV. Эти факторы не только определили развитие Империи во второй половине XVII – начале XVIII вв., но и способствовали формированию у современников особого представления о роли Империи в Европе. Они превратились в инструмент укрепления власти императора.

Главным фактором складывания образа Империи в правление Леопольда I были турецкие войны. Турки были «наследственными врагами» христианского мира [12, S. 122; 13, с. 135–137]. Утвердившийся в середине XV в. после падения Константинополя в 1453 г., этот образ не подвергался сомнению и был глубоко укоренен в европейском сознании раннего Нового времени. После перехода части венгерских земель под управление Габсбургов вследствие поражения Венгрии в битве при Мохаче в 1526 г. император был втянут в прямую конфронтацию с Турцией. Первая осада Вены 1529 г. сформировала важнейший миф о значении Империи как форпоста европейского мира на пути Османской империи [14, S. 110–113; 15–16]. Согласно императорской

пропаганде, именно Империя сдерживала турок и защищала западные державы от нашествия осман на Европу.

Вторая осада Вены 1683 г. воскресила эти представления и придала им новый импульс. Успешное отражение натиска осман в 1683 г. и переход имперской армии в контрнаступление в ходе Великой Турецкой войны 1683–1699 гг. привели к тому, что Империя вновь активно продвигала образ защитника христианского мира от турецкой угрозы. Укрепилась идея особой имперской миссии в военном противостоянии с османами. Император представлялся спасителем христианства, предводителем западноевропейских держав в борьбе против заклятого врага христианского мира [14, S. 118; 17, S. 151]. Этому образу крайне способствовал тот факт, что Великая Турецкая война имела коалиционный характер. Благодаря политике Леопольда I и в еще большей степени искусной политике папы Иннокентия XI [18, с. 247–251], в борьбу против Османской империи удалось привлечь Речь Посполитую и Венецианскую республику, и была образована Священная лига (1684 г.), к которой позднее присоединилось Русское царство. В определенной мере Священную лигу поддерживали и другие западноевропейские державы. В результате в составе имперской армии во главе с имперскими военачальниками были представители разных государств, что позволяло говорить о предводительствующей роли Империи в борьбе против турок.

Образ форпоста западноевропейского христианского мира означал фокусирование имперской политики на юго-восточных границах. Другими словами, центр влияния Империи, ее место на европейской политической арене смещалось с центрального или срединного к периферии, к границам цивилизованного мира. С другой стороны, военные успехи и представления о консолидирующей роли Империи в борьбе с турками вели и к прямо противоположному результату — к росту авторитета Священной Римской империи и возвращению утраченных позиций на европейской авансцене. Империя продемонстрировала, что достаточно сильна, чтобы вновь претендовать на лидерские позиции в Европе и соперничать с Людовиком XIV и его гегемонистскими планами.

Согласно императорской пропаганде, Империя оказалась между двух врагов — турками и французами [12, S. 127]. Чтобы это подчеркнуть, немецкими публицистами был сформирован яркий, крайне негативный образ Франции [12–14; 19–21], основанный на описаниях военных и политических преступлений французов и представлениях об их развратных и греховных нравах. Войны Людовика XIV получили особенно широкое освещение в немецкой публицистике. Рост антифранцузской риторики совпал с началом Голландской войны 1672–1678 гг. Пик пришелся на 1680–1690-е гг., однако и в следующие десятилетия вплоть до окончания Войны за испанское наследство дискредитации Франции было посвящено существенно больше произведений, чем какой-либо другой теме [20, S. 170]. Имперская публицистика объявила настоящую войну против Франции, ее сторонников и против

французских настроений, распространившихся в Империи после заключения Вестфальского мира, одним из гарантов которого являлась Франция.

Главными мотивами антифранцузской пропаганды были «неслыханная жестокость французского оружия» [22, S. 21] и «тирания французских солдат» [22, S. 25]. Одним из самых излюбленных приемов немецких публицистов было сравнение кровожадности, свирепости и бесчеловечности французов и турок [22, S. 25]. Особое значение имел сюжет «неверных христиан» [23, S. 181–182]. Имперская публицистика подвергла сомнению французскую религиозность и принадлежность французов к христианской вере. Демонстрируя «нехристианские порочные и постыдные злодеяния» [22, S. 59] и то, как «так называемые французские христиане» грабят храмы и церкви всех конфессий [22, S. 50–51] и проливают христианскую кровь [22, S. 67], немецкие публицисты доказывали, что французы забыли веру, отошли от нее. Особую роль сыграли обвинения Людовика XIV в том, что он, «христианнейший» [24, С. 128] король, состоял в дружбе с Османской империей. Основаны они были на подписанных Францией еще в 30-е гг. XVI в. «капитуляциях», дававших ей широкие привилегии в Турции. По мнению немецких публицистов, монарху, претендовавшему на звание самого христианского, следовало защищать христианский мир от турецкой напасти, а не спонсировать ее [22, S. 67].

На основании этих обвинений императорская пропаганда провозгласила Францию вторым «западным наследственным врагом» [25, S. 19; 12, S. 127–133; 13, с. 141–143; 26, S. 68] — «французским турком» [22, S. 49]. Отталкиваясь от этого образа, проимперские сочинения не просто призывали объединиться под эгидой Империи против преступной политики Франции, а рассматривали это как закономерное следствие, основывающееся на роли Империи как защитника христианского мира. Под теми же, ранее «турецкими», лозунгами Империи приписывались функции сдерживания французской агрессии, а император расценивался как естественный противник Людовика XIV, защищающий не только немецкие свободы [27, S. 92–99; 14, S. 455–463], но и существующий европейский порядок. Тем самым Империя утверждала свою роль в европейской политике как гаранта безопасности западноевропейского христианского мира, что означало попытку вернуть себе утраченные позиции европейского лидера.

После Тридцатилетней войны Империя столкнулась с необходимостью переосмыслить свою роль в Европе. Император больше не мог претендовать на универсальный и общеевропейский характер своей власти и должен был предложить новое обоснование для своих притязаний на европейское лидерство. В эпоху Леопольда I инструментом репрезентации Империи становится внешняя угроза. Успехи в борьбе с Османской империей восстановили авторитет Священной Римской империи на международной арене. После 1683 г. император Леопольд I мог вновь претендовать на роль европейского гегемона и соперничать с Людовиком XIV, что нашло отражение в имперской

публицистике. На фоне турецкой угрозы она обратилась к традиционным христианским ценностям, лежащим в основе понятия универсальной монархии, – к идее защиты христиан и христианских земель. Под влиянием войн против Османской империи и Франции Людовика XIV был сформирован образ Империи как защитника христианского мира от внешних угроз – агрессии турок и «неверных» французских христиан, изменивших своей вере.

Ссылки

1. Bosbach F. *Monarchia universalis ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. 183 S.
2. Asch R. G., Duchhardt H. Einleitung: Die Geburt des «Absolutismus» im 17. Jahrhundert: Epochenwende der europäischen Geschichte oder optische Täuschung? // Asch R. G., Duchhardt H. (Hg.). *Der Absolutismus – ein Mythos? Strukturwandel monarchischer Herrschaft in West- und Mitteleuropa (ca. 1550–1700)*. Köln: Böhlau, 1996. S. 3–24.
3. Burkhardt J. *Der Dreißigjährige Krieg*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. 307 S.
4. Ивонин Ю. Е. Тридцатилетняя война или переплетение конфликтов? // *Proslogion. Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2018. Вып. 4 (2). С. 142–157.
5. Ивонин Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в XVI–XVIII вв. // *Вузовская наука начала XXI века: гуманитарный вектор: Философия. История. Социология. Политология. Культурология и искусствоведение*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. С. 77–82.
6. Ивонин Ю. Е. Старая империя (1495–1806) — «Комплементарное имперское государство» или догосударственная имперская система? (по поводу книги Г. Шмидта) // *Лістападаўскія сустрэчы. 5. Праблемы старажытнасці і сярэднявечча: Зборнік артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (13–14 лістапада 2003 г., Мінск) / Навук. рэд. В. А. Фядосік і І. А. Еўтухоў*. Мн.: БДУ, 2005. С. 122–130.
7. Kampmann Ch. *Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte eines europäischen Konflikts*. 2. Aufl., Stuttgart: Kohlhammer, 2013. 226 S.
8. Лазарева А. В. Национальная мысль в Германии в эпоху Тридцатилетней войны: автореф ... канд. ист. наук. М., 2008. 26 с.
9. Кампманн К. Леопольд I: имперская политика, династические цели и испанское наследство // *Исторические Исследования*. 2017. № 7. С. 69–89. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/121> (дата обращения: 03.10.2021).
10. Шиндлинг А. Леопольд I (1658–170) // Шиндлинг А., Циглер В. *Кайзеры: Священная Римская империя, Австрия, Германия*. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. С. 204–224.
11. Stolleis M. *Reichspublizistik und Reichspatriotismus vom 16. zum 18. Jahrhundert* // Birtsch G. (Hg.). *Patriotismus*. Hamburg: Meiner, 1991. S. 7–23.
12. Bosbach F. *Der französische Erbfeind. Zu einem deutschen Feindbild im Zeitalter Ludwigs XIV.* // Bosbach F. (Hg.). *Feindbilder. Die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit*. Köln, 1992. S. 117–139.

13. Шельшей С. С. Образ наследственного врага в немецкой публицистике раннего Нового времени // Средние века. 2021. Т. 82, № 3. С. 131–153.
14. Wrede M. Das Reich und seine Feinde. Politische Feindbilder in der reichspatriotischen Publizistik zwischen Westfälischem Frieden und Siebenjährigem Krieg. Mainz: von Zabern, 2004. 669 S.
15. Varga J. Europa und „Die Vormauer des Christentums“: Die Entwicklungsgeschichte eines geflügelten Wortes // Guthmüller B., Kühlmann W. (Hg.). Europa und die Türken in der Renaissance. Berlin, Boston: Max Niemeyer Verlag, 2012. S. 55–64.
16. Barbarics-Hermanik Zs. Reale oder gemachte Angst? Türkengefahr und Türkenpropaganda im 16. und 17. Jahrhundert // Heppner H., Barbarics-Hermanik Zs. (Hg.). Türkenangst und Festungsbau. Realität und Mythos. Frankfurt am Main: Lang, 2009. S. 43–75.
17. Wrede M. Türkenkrieger, Türkensieger. Leopold I. und Ludwig XIV. als Retter und Ritter der Christenheit // Kampmann Ch., Krause K., Krems E.-B., Tischer A. (Hg.). Bourbon, Habsburg, Oranien. Konkurrierende Modelle im dynastischen Europa um 1700. Köln: Böhlau, 2008. S. 149–165.
18. Гусарова Т. П. Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Памятники исторической мысли, 2001. Ч. 2. С. 238–294.
19. Schillinger J. Les pamphlétaires allemands et la France de Louis XIV. Bern: Lang, 1999. 720 p.
20. Schillinger J. Franzosen und Türken in deutschen Flugschriften des XVII. Jahrhunderts // Harms W. (Hg.). Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit. Basel: Schwabe, 2002. S. 169–187.
21. Лазарева А. В. Борьба немецких интеллектуалов против французского влияния (1635–1648) // Французский ежегодник. 2018. С. 60–77.
22. Anonym [M.S.Z.]. Frantzösischer Soldaten-Teufel, Beschrieben und Auff den Schauplatz Teutschlandes auffgeführt und vorgestellt Von M. S. Z. Einen alten Teutschen auffrichtigen Patrioten. 1676. 79 [i.e. 70] S.
23. Noflatscher H. Stereotype und Fremdbilder im politischen Verhalten Maximilians I. // Helmrath J., Kocher U., Sieber A. (Hg.). Maximilians Welt: Kaiser Maximilian I. im Spannungsfeld zwischen Innovation und Tradition. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2018. S. 159–190.
24. Пименова Л. А. Идея нации во Франции Старого порядка // Национальная идея в Западной Европе в Новое время: Очерки истории / отв. ред. В. С. Бондарчук. М.: Зерцало-М; Вече, 2005. С. 125–158.
25. Kurtzer Entwurff der Rechtmässigen Waffen und Glücklichen Thaten des Durchlächtigsten Chur-Fürsten von Brandenburg Bey den bißherigen Europäischen Verwirrungen. 1678. 44 S.
26. Wrede M. Der Kontinent der Erbfeinde: deutsche und europäische Feindbilder der Frühen Neuzeit zwischen Säkularisierung und Sakralität // Dingel I., Schnettger M. (Hg.). Auf dem Weg nach Europa: Deutungen, Visionen, Wirklichkeiten. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. S. 55–78.
27. Schmidt G. Geschichte des alten Reiches: Staat und Nation in der Frühen Neuzeit, 1495–1806. München: Verlag C. H. Beck, 1999. 459 S..